

Роль поэзии в жизни человека и общества: философский и психологический подход

М.Г. Чеснокова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9

Lomonosov Moscow State University

Mokhovaya str., 11, build. 9, Moscow 125009 Russia

e-mail: milen-ches@bk.ru

Ключевые слова: поэзия, философия, Бог, «книга мира», психология искусства, психотерапия.

Key words: poetry, philosophy, God, “the book of the world”, psychology of art, psychotherapy.

Резюме: В статье представлен философский взгляд на место, природу и роль поэзии в человеческой культуре от Платона до М. Хайдеггера. Выделяются основные контексты рассмотрения поэзии в психологии: психология искусства и психотерапия, арт-терапия. Исходным посылом размышлений о поэзии служит личная история обращения автора к поэтическому творчеству.

Abstract: The article presents a philosophical view on the place, nature and the role of poetry in human culture from Plato to M. Heidegger. The main contexts of consideration of poetry in psychology are pointed out: psychology of art and psychotherapy, art therapy. The general starting premise for thinking about poetry is the personal history of the author's appeal to poetic creativity.

[Chesnokova M.G. The role of poetry in the life of an individual and society: a philosophical and a psychological approach]

Данная тема выбрана мной неслучайно и имеет глубокий личностный смысл. Пройдя долгий путь личностного становления, имея за плечами два образования (музыкальное и психологическое), я соприкасалась с поэзией лишь вскользь как человек полностью уверенный в том, что предпочитает прозу. Современную поэзию я не воспринимала вовсе, а к женщинам-поэтам относилась с явным предубеждением. В свое время, поступив на факультет психологии МГУ, я была крайне удивлена, когда обнаружила, что многие психологи пишут стихи. Среди моих коллег-психологов есть даже члены Союза писателей. Мне это казалось странным. Зачем психологу писать стихи? Ведь психология - это наука. В ней все должно быть

понятно определено, обосновано и доказано. А стихи - это поле субъективности. С этим убеждением я вошла в кризис среднего возраста, не написав к этому времени ни одного стихотворения. Кризис протекал тяжело, даже мучительно. Но из него я вышла с двумя дарами. Первый дар - выход из академической психологии в психологическую практику, в психотерапию. А второй - сочинение стихов, стихотворное творчество. И сегодня поэзия для меня - это способ в наше непростое время оставаться человеком, чувствующим боль и радость, сохраняющим живое ощущение жизни и Другого. Однако навыки академического психолога не ушли бесследно. И будучи историком психологии, я задалась вопросом, как в разные эпохи люди относились к поэтическому творчеству, в чем видели его назначение и смысл.

Античная эпоха дала миру первых великих поэтов таких, как Гомер, Вергилий, Овидий, Гораций и др. Известный философ **Платон** также писал стихи. Например, такое:

*Яблоко это тебе я кидаю.
Поймай, если любишь,
И отведать мне дай сладость твоей красоты.
Если ж, увы, ты ко мне холодна, подыми его:
Сможешь видеть на нем, сколь коротка пышного цвета пора*
Перевод О. Румера

В этом коротком стихотворении мы видим поразительное сочетание чувственной конкретики и глубокомысленного постижения временности жизни. «Поэт, - пишет Платон, - это существо легкое, крылатое и священное; он может творить не ранее, чем сделается вдохновенным и исступленным и не будет в нем более рассудка» (Платон, URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/ion.htm>). При этом он считал, что поэзии не место в идеальном государстве, поскольку поэты питают и укрепляют худшую сторону души и губят разумное начало, а также рисуют искаженное представление о Богах. В своей иерархии душ он ставит поэтов на 6-ое место, ниже которого только ремесленники и земледельцы, живущие

низшими потребностями тела, демагоги и тираны:

1. философ
2. законопослушный царь
3. государственный деятель
4. гимнаст и врач
5. прорицатель
6. поэт
7. ремесленник, земледелец
8. софист и демагог
9. тиран

Платон противопоставляет поэзию философии. В то время, как философия ищет истину, поэзия воспроизводит и превозносит ее видимые копии. Поэт «изображает то, что кажется прекрасным невежественному большинству» (Платон, 1994: 398).

Одной из вершин античной мысли является «Поэтика» *Аристотеля*. Аристотель определяет поэтическое творчество как *подражание, совершающееся ритмом, словом и гармонией*. Задачу поэта он видит в том, чтобы говорить не о произошедшем (это задача историка), а о *возможном*. Поэтический взгляд он сближает с философским в том, что он показывает общее, тогда как история только единичное. Аристотель советует поэтам ясно представлять и переживать то, что они изображают. Увлекательнее всего те поэты, которые сами переживают чувства того же рода. Волнует тот, кто сам волнуется. Слог поэта должен быть ясным, но не низким, при умеренном использовании разговорной речи, метафор и измененных слов.

Позже *Августин* в своей «Исповеди» отнесет вкус к наслаждению поэтическим вымыслом к призрачным ценностям, по существу приравнивая его к греху. В светской античной культуре, претендующей на самодостаточность и не имеющей цели вне себя, он увидит воплощение эгоизма человека, противопоставленного воле Творца.

Новый всплеск увлечения поэтическим искусством приходит в эпоху *Возрождения*. Гуманисты Возрождения утверждают себя как носителей нового типа «благородства», которое дается не происхождением и властью, а *ученостью и*

искусным владением словом. Влечение к гуманитарным занятиям и поэзии, в том числе, они объясняют наличием особых душевных качеств, которые не всякому даны. Гуманисты полагали, что по своим душевным свойствам люди делятся на три группы:

- 1) малодушные,
- 2) «наделенные душевной возвышенностью в скромной степени»,
- 3) «искренне стремящиеся ко всему великому и прекрасному».

«Величие души» в сочетании с гуманитарными занятиями и занятиями философией способны, по их мнению, поднять человека до уровня высших, божественных существ, а на земле сформировать особый класс «духовной аристократии».

Психология возникла во второй половине XIX века как естественная наука, ориентированная на эксперимент. Ни о какой поэзии в такой психологии речь, разумеется, идти не могла. Однако параллельно с «отпочковыванием» научной психологии от философии внутри последней зреет подход, который в XX веке привел к появлению нового направления - экзистенциальной психологии, в котором литература заняла важное место. Среди предшественников экзистенциализма часто называют имя *Йоганна Георга Гамана*, идеолога литературного движения «Бури и натиска», критика рационализма Просвещения, которого И. Гёте называл «самой светлой головой своего времени». Его взгляды настолько любопытны, что заслуживают отдельного рассмотрения.

В молодости Гаман вел достаточно беспорядочную жизнь, из которой он был выведен чтением Библии и сошедшим на него внезапным «прозрением». Гаман обращается к старому образу «книги мира» и обновляет его (Гильманов, 2019). Все, что мы встречаем в мире, является словесным по своему существу, заявляет он. Мир творится божьим словом. Он есть материализовавшееся творческое слово, слово, ставшее *плотью*. Бог выступает у Гамана как «автор» трех книг, с которыми он обращается к человеку: это - «книга Природы», «книга Истории» и «книга Священного Писания». Научиться читать и понимать эти «книги» Бога - в этом состоит основной смысл

жизни каждого отдельного человека. Сама жизнь устроена как чтение книги. Чтение «книги жизни» всегда является «авторским». Этих прочтений столько, сколько существует читателей. Важно то, что в своих прочтениях мы можем творчески обогащать друг друга. Истина полифонична! Функцию языка Гаман видит в том, что он раскрывает мир в его *членораздельности*. Причем разные языки раскрывают этот мир по-разному (есть субстанциональные языки, есть процессуальные). Гаман выступал категорическим противником унификации языка. Унификация языка ведет к унификации жизни, утрате возможности для выражения индивидуального начала, в конечном счете, к потере лица. Множество языков – это богатство, которым Бог одарил человека. И его надо беречь. Неудивительно, что именно *филология* выступает у Гамана наукой всех наук, почвой примирения различных форм общественного сознания.

Рассуждая о «книге мира», Гаман касается и проблемы грехопадения. Грехопадение отражается в том, что «книга мира» дана человеку как разъятая книга. Его задача прочитать ее как целостный текст. Это прочтение является истинным, если читаемое открывается как осмысленное произведение. Собрать эти разрозненные фрагменты «книги» воедино может только *поэт* из глубины своего личного восприятия. Поэтическое слово является для Гамана синонимом *полного слова*. Поэт пишет из глубины своего индивидуального начала. Но это индивидуальное вырастает у него до *всеобщего*. Тексты самого Гамана часто называют «темными», они тяжелы для восприятия. Однако Гаман идет на это достаточно сознательно. Смысл такого утяжеления – замедлить процесс чтения с тем, чтобы побудить читателя самостоятельно пройти весь путь мысли автора.

В XX веке экзистенциалист *М. Хайдеггер* пишет несколько работ, посвященных поэтам и поэзии (см. Федотова, 2016). Хайдеггер рассматривает поэзию как язык в чистом виде. По его мнению, не человек говорит на языке, а язык говорит через человека. Поэзия не является способом передачи жизненного опыта поэта. Любое по-настоящему поэтическое произведение всегда выходит за рамки замысла автора. Поэтическое слово доступно для интерпретации, но при этом

оно всегда остается потаенным. Поэзия обладает особым качеством, ставящим ее выше обыденного языка. Она имеет возможность высказывать то, что *невыразимо* в словах обыденного языка. Хайдеггер настаивает, что все великие поэты раскрывают что-то в самом бытии. Именно поэтому мы откликаемся на их слово.

Хайдеггер не противопоставляет поэзию и прозу. «Чистая проза не «прозаична». Она поэтична и поэтому так же редка, как и поэзия», - утверждает он (Хайдеггер, 1991: 18). Более того, он полагает, что всякое искусство вообще пронизано поэзией. В ряде случаев Хайдеггер понимает поэзию как «песнь», как «поющий сказ». В поэме, стихотворении, пишет он, «слово стало петь». Хайдеггер отмечает, что немецкое слово, означающее «песнь» связано с латинским «хваление». Петь - тоже, что говорить хваление. И это роднит поэтическую речь с религиозным языком. В религии мы возносим хваление Богам. Согласно Хайдеггеру, поэт является связующей нитью между богами и людьми. Поэт обладает возможностью распознать и верно интерпретировать намеки богов и передавать их значение другим людям через свою поэзию. С другой стороны, поэтическое слово является также истолкованием «голоса народа».

В российской традиции место поэта четко определил **А.С. Пушкин**, поставив его выше любой власти и наделив миссией Пророка.

*«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

В XX веке это привело к появлению известного утверждения: «Поэт в России - больше, чем поэт» (Е. Евтушенко). Иногда даже к некоторой переоценке роли отдельных представителей искусства.

В современной психологии интерес к поэзии наблюдается, главным образом, в двух контекстах. В области психологии искусства, когда художественное произведение и

поэзия, в том числе, рассматриваются как источник особых эстетических переживаний слушателя или читателя. И в рамках психотерапии, арт-терапии как терапии искусствами. Интересную трактовку роли искусства и литературного слова предложил в XX веке выдающийся отечественный психолог **Лев Семенович Выготский**, кстати, филолог по образованию. Искусство, утверждал он, есть *средство взрывного уравнивания со средой в критические моменты нашего существования*. Возбуждение энергии, не находящее выхода в актуально полезной деятельности, получает здесь разрядку. Организм освобождается от избыточной энергии и возвращается к состоянию биологического равновесия. Одновременно с этим литература выполняет важную *социальную функцию*. Она готовит нас к столкновению с определенными жизненными ситуациями, закладывает поведенческую установку на будущее, призванную сработать в нужный момент. Наконец, произведения искусства учат нас переживать свои чувства по-человечески, особым культурным и социальным образом, а не просто разряжать аффекты. Через их посредство самая интимная часть нашей личности - сфера наших чувств вовлекается в более широкий наиндивидуальный контекст. Вместе с героями мы учимся чувствовать и переживать определенным образом, испытывать те или иные чувства. Эту функцию искусства формировать саму сферу наших чувств Выготский называл *«общественной техникой чувства»* (Выготский, 1968).

В свое время В.Г. Белинский определил пафос пушкинской поэзии как «лелеющую душу гуманность». «Лелеющая душу гуманность» - это то, чему учит, что формирует в нас А.С. Пушкин. А какие чувства формируют в нас другие авторы? Страх? Ненависть и месть? Равнодушие и убежденность в бессмысленности жизни? Или любовь и веру в человека? Это важный психологический и этический вопрос, в особенности сегодня. Он может также рассматриваться как один из возможных критериев оценки писательского труда.

В арт-терапии разные виды искусства используются как средство помощи страдающему человеку. Принципиальным здесь является то, что их создает сам клиент на основе собственных, часто весьма тяжелых переживаний. Эффект такой

работы бывает просто поразительным. Из жертвы, страдальца человек превращается в созидателя и творца, обретая «авторство» своей жизни. Конечно, созданные таким образом произведения чаще всего далеки от совершенства. Они страдают субъективизмом и не выдерживают критерия общезначимости. Отечественный подход понимающей психотерапии Ф.Е. Василюка, как нам кажется, успешно преодолевает эту слабость. Отталкиваясь от идеи о культурно-исторической природе переживания Выготского, данный подход уделяет большое внимание оснащению клиента дополнительными культурными средствами для выражения своих переживаний, а также развитию поэтичности и метафоричности речи терапевта, что открывает более широкие возможности для осмысления трудно осознаваемых аспектов клиентского опыта.

Однако, как упоминалось в начале, многие психологи, в том числе из академической среды, сами пишут стихи. Несколько лет назад на факультете психологии МГУ проводился вечер, на котором профессиональные психологи от студентов до профессоров читали свои стихи. Этот вечер надолго запомнился. Его резюме подвел известный психолог, психолингвист А.А. Леонтьев. Он сказал: «Только через стихи становится видно самого человека. Ни в научных статьях, ни в других трудах это так не отразить».

Несколько слов о женской поэзии. Несмотря на то, что время от времени представительницы прекрасного пола обращались к поэтическому творчеству: Сафо в античности, Хросвита Гандерсгеймская в Средневековье, Луиза Лабе, Святая Тереза, Виктория Колонна - в эпоху Возрождения и т.д., это были скорее единичные случаи. И в целом поэзия оставалась преимущественно сферой деятельности мужчин. Когда в XIX веке на Западе появилась целая плеяда женщин-писательниц, то из тех имен, которые дошли до нас и стали известны широкому читателю, это были, главным образом, женщины, писавшие прозу. На этом фоне XX век в России стал настоящим расцветом женской поэзии: А. Ахматова, М. Цветаева, В. Инбер, А. Барто, О. Берггольц, В. Тушнова, Ю. Друнина, Р. Козакова, Б. Ахмадулина. О чем писали эти женщины? Конечно, в первую очередь о чувствах - любви и страсти, боли и равнодушии,

покорности и соперничестве с мужчинами. Но помимо этого были и гражданские стихи, стихи о Родине и русском слове. Эти женщины открыли для своих сестер новый канал самовыражения и влияния женщин на общество и культуру. Женщины пишут стихи и сегодня, кто-то профессионально, кто-то любительски. Какой она будет женская поэзия завтра? Это вопрос, который также меня волнует. И здесь я бы хотела поделиться своим беспокойством относительно некоторых современных тенденций в сфере поэтического творчества.

Сочинение стихов стало сегодня *массовым делом*. Многие пишут и пишут технически вполне профессионально. На этом фоне появилось множество фэйков - подражаний великим поэтам. Копируются их темы, стиль, ритмический строй. Но имеем ли мы тем самым новых Пушкиных, Блоков, Есениных? Нет. При воспроизведении внешней формы что-то главное утрачивается. С другой стороны, многие новоиспеченные поэты весьма рьяно и без особых на то оснований берут на себя роль Пророков, в том числе предрекая России гибель. Но кто из великих поэтов когда-либо желал гибели своей стране? Это даже невозможно себе представить. В современной поэзии очень много, с одной стороны, субъективизма, с другой, каких-то стандартных, клишированных, форм переживаний и чувств. То «священство», о котором писал Платон, особое «величие души», о котором говорили гуманисты Возрождения, восхождение до всеобщего, которое отмечал Гаман, посредничающая роль между Богом и людьми, на которой настаивал Хайдеггер, как будто теряются при переходе жанра поэзии к массовому формату. Я ни в коей мере не призываю к сектантству в поэзии. Но, тем не менее, все сказанное не может не беспокоить.

Мое обращение к стихотворному творчеству произошло почти случайно под влиянием прохождения курса повышения квалификации для психотерапевтов «Жизнетворчество: встречи с исцеляющим искусством» Кита Лоринга (Великобритания). Эффект оказался неожиданным. Я, которая никогда не писала стихов, вдруг начала писать. Процесс был настолько мощным, что уже спустя 11 месяцев у меня вышла небольшая книжечка стихов. Выросшая на основе личных переживаний она

М.Г. Чеснокова / M.G. Chesnokova

позволила мне отрефлексировать свои основные ценностные ориентиры: 1) любовь и верность 2) привязанность к родной земле 3) волшебный мир детства. Пользуясь возможностью, счастлива поделиться с читателями тремя небольшими стихотворениями на эти темы.

Поцелуй Иуды

*Два профиля, два образа, два лика
Слились в вечности - мучительный контраст.
Перевернулся мир и онемел от крика
Смешались свет и тень, в объятьях рай и ад.*

*Вот он стоит. И как неосторожно!
Блестят мечи в ночи предгрозовой.
И примет поцелуй из этих уст ничтожных,
Навеки обручив его с своей судьбой.*

Колыбельная

*Спи моя хорошая,
Спи моя красивая,
На роду написано
Будешь ты счастливая.*

*Светом озаренная,
Ветром подпоясана,
Куполами Нижнего,
Что над Волгой связана.*

*Сила земли-матушки
На тебе прибудется.
Песнею рожденная
Новой песней сбудется.*

*Отойдут, забудутся
Ночь и сновидения.
Здравствуй, мое солнышко,
С утром пробуждения.*

*Препятствий нет для любящих сердец,
Не разведут их ни молва, ни расстоянья.
Пути их в мире проложил Творец
И осветил в ночи звездою ранней.*

*Того, кто встретился, уже не разлучить.
Кто раз нашел, не сможет отказаться.
Через века любовь их будет жить,
И умирать, и вновь в стихах рождаться.*

ЛИТЕРАТУРА

- Выготский Л.С. 1968. Психология искусства. М.: Искусство. 576 с.
- Гильманов В.Х. 2019. Книга жизни в герменевтике И.Г. Гамана. - Слово.ру: балтийский акцент. 10 (4): 34-44.
- Платон. Государство. Собр. соч. в 4 тт. Т.3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
- Платон. Ион. [Электронный ресурс]. - URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/ion.htm> (17.02.2023).
- Федотова Е.Ю. 2016. Онтологическая сущность поэзии в философии Мартина Хайдеггера. - Вестник Волгоградского университета. Сер. 7. Философия, социология и социальные технологии. 3 (33): 15-22.
- Хайдеггер М. Язык (перевод и примечания Б.В. Маркова). СПб.: Ленинградский Союз ученых. ЛО Всесоюзного благотворительного фонда "Интеллект". Философско-культурологическая исследовательская лаборатория «ЭЙДОС», 1991. 20 с.

Поступила / Received: 27.03.2023

Принята / Accepted: 28.04.2023